

СКАЗКА

Через несколько дней после того вечера, когда мы смотрели кино, мама сказала мне:

— Завтра утром Сказочник возьмет тебя с собой на летнее пастбище Заскалье, где сейчас находится наш скот. Вернешься только перед началом школы.

— Хорошо,— ответил я, обрадованный тем, что поеду с моим любимым Гордой.— Я буду пасти овец, да, мамочка?

— Да.

— И сказки мне будет рассказывать Горда?

— Да.

— Только ослика возьму с собой.

— Возьмешь, возьмешь.

— Как хорошо, мамочка!

— А по маме своей не будешь тосковать, сыночек? — Мама прижала мою голову к своей теплой груди и стала тихо гладить по бритой моей голове.

— Буду, мамочка, буду скучать по тебе! — Я поцеловал ее в щеку.

Вечер был теплый. Мы с матерью сидели под грушей во дворе. Так я и уснул, прижавшись к маминой груди, под высокими звездами, глядевшими на белые вершины гор.

Следующим утром мы с Гордой поехали на летнее пастбище Заскалье. Он восседал на своем муле, я — на ослике. Выехали мы из нашего аула, когда солнце, поднявшись уже высоко, согрело скалы, огороды, траву, камни на дорогах. Мы ехали весело, копытца мула и ослика стучали о теплые камни дороги. Впереди зеленели леса, склоны, белели горные вершины, над ними простиралось синее небо без единой тучки и облака.

Отъехав от аула, мы въехали в небольшое ущелье. С обеих сторон стояли скалы, между ними стремительно бежала на север река. Хотя она была небольшая, но сильно шумела. Это свойственно всем горным речкам — быстрым и упорным. Я ехал рядом с Гордой, держась левой стороны.

— Горда, расскажи мне сказку,— попросил я.

— Что? — он сделал вид, что не расслышал.

— Расскажи сказку, пожалуйста, Горда, миленький.

— Сказку?

— Да, пожалуйста!

— Здесь вся земля — сказка: снежные вершины, леса, небо, скалы, река. Зачем тебе рассказывать еще?

— Я хочу, расскажи, мой любименький, умненький, красивенький Горда!

— Подождешь.

Я понял, что он набивает себе цену, как делал нередко, и продолжал все так же ласково просить его:

— Расскажи, мой добрый дядя Горда, мой хороший Горда!

— Здесь река сильно шумит. Подожди, пока выедем на поляну, где не будет слышно

речки.

— Ладно,— обрадовался я, поняв, что Сказочник сдался.

Вскоре мы выехали на большую поляну. Река осталась уже в стороне, с обеих сторон сухой дороги были луга, трава свежая, высокая.

Свое обещание Горда выполнял всегда. И в тот раз он начал сказку, как только мы выехали из теснины на поляну.

— Молчи, как дерево, и слушай! — предупредил меня Сказочник.

— Хорошо,— ответил я и весь обратился в слух.

— Сейчас ты услышишь, Ако, новую сказку. Счастливец!

— Слушаю.

— Давным-давно, очень давно жил один хан. У него было три сына. Двое старших считались умными, а младший — дураком. Так они жили-поживали. Однажды утром младший сын застал хана, сидящего во дворе в большой печали.

— Здравствуй, отец!

— Здравствуй, сынок! — ответил старик с трудом.

— Что случилось? Почему ты такой печальный?

— Как мне не быть печальным? Горе мне, горе!

— Кто тебя обидел?

— Пропал табун моих прекрасных лошадей, моих резвых скакунов. Я долго его искал.

— Умные сыновья не помогли тебе?

— Нет, сынок.

— Искал табун сам, в одиночестве?

— Да, сынок, да. Я долго искал и нашел...

— Ну и хорошо, отец. Чего же тогда скорбишь?

— Найти-то нашел, но выручить не смог.

— Почему?

— Я нашел табун мой в окружении громадных змей...

— Змей?

— Да, змей, сынок, змей.

— Вот это да!

— И они мне человеческим языком сказали, что отдадут табун, если я женюсь на девушке из их змеиного рода.

— Что же ты им ответил?

— Оказал, что подумаю. Но как я, старик, могу жениться на змее?

— Не печалься, отец,— сказал младший сын.— Пока я жив, всегда буду выручать тебя, никому не дам в обиду отца. Не беспокойся, я вызволю твой табун.

Сказав это, быстро удалился сын хана. В их ауле жила женщина — Куртха *, которая могла предвидеть и предсказать все, что случится с человеком и миром, она была всевидящей, всезнающей. Потому и звали ее Куртхой. Вот к ней-то и побежал младший. Он рассказал ей историю с ханским табунем, сказал о своем решении жениться на девушке из змеиного рода ради отца, чтобы выручить его.

— Ты это решил твердо? — спросила Куртха.

— Да.

— Бесповоротно?

— Да.

— Потом не пожалеешь?

— Нет, что бы ни случилось, чем бы дело ни кончилось. Я не могу оставить отца в беде без помощи.

— Ты такой храбрый, ханский сын?

— Храбрый, не храбрый, а сделать это я должен, обязан.

— Разве не тебя до сих пор считали дурным сыном хана?

— Может быть. Это не важно. Речь идет о жизни или смерти моего отца. Я не могу оставить его беспомощным.

— А где еще два сына хана, которых считали до сих пор умными?

— Дома.

— Почему же они не заботятся об отце и о вызволении его табуна?

— Не знаю.

— Как не знаешь?

— Это их дело. А мой долг — выручить отца, подарившего мне жизнь.

— Пусть будет неладен тот, кто посылает тебя туда, кто-то желает твоей гибели, ханский младший сын, но если ты решил идти на это опасное дело, тут ничего не поделаешь. Внимательно слушай меня и точно выполняй то, что я тебе скажу. Садись на черного ханского коня о трех ногах, и скачи, скачи, скачи!

Перед самым наступлением темноты у въезда в черное ущелье остановится ханский конь о трех ногах. Как ты ни будешь стараться, он дальше не захочет скакать. Тогда ты слезай с него, привяжи его к огромной одинокой чинаре. Ты увидишь над дорогой красивый белый дворец. Туда самовольно не вздумай заходить. Ложись на придорожную траву, укройся буркой с головой и спокойно усни. Среди ночи тебя разбудит страшный шум бури, покажется, что унесет тебя и погубит эта буря, но не бойся, не поднимай головы, имей смелость оставаться спокойным. После бури пойдет небывалый ливень, покажется, что он погубит все вокруг и тебя. Ты не поднимай головы, постарайся оставаться спокойным. Пройдет и ливень. Тогда придут за тобой и пригласят тебя во дворец. Предложат сесть за золотой стол, не соглашайся, скажи, что ты хочешь сидеть только за деревянным столом. Предложат есть из золотой тарелки и золотой ложкой. Откажись, скажи, что ты признаешь только простую деревянную посуду. После еды поведут тебя в покои, где будут стоять в ряд красивые девушки. Тебя спросят: «Которую выбираешь?» Одна едва заметно поднимет руку. Покажи на нее и скажи:

— Только вот эту.

— Согласны, — будет ответ.

Тогда не медли, выведи девушку, садись с ней на черного ханского коня о трех ногах и, также не задерживаясь, пускайся в обратный путь. Скачи, скачи, скачи домой! Смотри, только не оглядывайся. Если тебе удастся выдержать все это, золотой табун отца будет возвращен ему...

Долина, на которую мы — один на муле, другой на ослике — выехали, уже кончилась, мы стали подниматься по каменистой тропе крутого склона. С двух сторон были скалы и деревья. Солнце сияло ярко, все так же белели вершины гор, зеленели леса, алели цветы лугов, над ними простиралось небо, синее-синее, без единой тучки и облачка. Мул и ослик упорно поднимались по крутой дороге. Их сухие копытца все стучали по камням тропы — тарк-тарк-тарк!

— Я много тебе успел рассказать сказок, Ако? — спросил Горда. Он уже ехал не рядом со мной, а впереди. Ехать рядом было уже нельзя — тропа была узкая. Горда поэтому и

прервал сказку.— Много сказок ты слышал от меня, мой любимый племянник?

— Много, дядя Горда.

— А ты все их запомнил?

— Все.

— Молодец. Мальчишкам рассказываешь мои сказки?

— И взрослым рассказываю.

— Хорошо, значит, не зря я тебя учил нашим сказкам, сказкам этих гор, нашей сказочной земли?

— Не зря, дядя Горда.

— Я доволен, мой умный племянник. Когда я умру, ты станешь рассказывать мои сказки. Ты тоже научишь своих сыновей или внуков рассказывать их. И так наши сказки будут продолжать жить долго-долго на этой высокой земле, под этим синим небом, на виду у этих белых вершин. Я думаю, Ако, так. А ты?

— Я тоже, дядя Горда,— ответил я серьезно.

— И душа родного народа будет жить в этих сказках, и облик, и красота этой земли, отвага и трудолюбие ее сынов. И моя душа, Ако, и твоя душа. Понимаешь?

— Понимаю, дядя Горда,— ответил я, хотя значение слов Сказочника понял не очень. Я сделал это не потому, что хотелось сказать неправду, нет, не терпелось слушать продолжение сказки.

— Мул и ослик, думаю, устали,— сказал Горда,— они должны попасться на траве, а мы с тобой поедем. А что поесть у тебя в хурджуна * имеется, да, да, у нас есть кое-что.

— Дядя Горда, продолжай, пожалуйста, сказку.

— Не торопись, племянничек. Ты же у меня умный.

— Дядя Горда, миленький, расскажи, пожалуйста.

— Погоди. Сейчас нельзя рассказывать.

— Почему?

— Не видишь разве? Тропа склона узкая, ехать рядом со мной не можешь...

— Ну и что из того?

— А то, что тебе плохо будет слышно, сильно громко говорить — значит портить сказку.

— Разве?

— Да, племянник, сказку портить нельзя. Она как звезды, как свет зари. Вот кончится этот подъем, наверху остановимся, поедем, отдохнем, наши кони тоже попасутся. А дальше дорога будет пошире, ты будешь ехать рядом со мной, и я продолжу нашу сказку.

Я с огорчением, но согласился. Больше ничего не оставалось. Мул и ослик все так же упорно продолжали подниматься вверх по узкой тропе, их копытца все так же стучали о сухие камни — тарк-тарк-тарк! Кончился подъем. Мы остановились, спешились. Горда снял из-за седла отороченную черную бурку, набросил ее на траву у дороги, также снял он переметную суму, положил ее на край бурки. Мул и ослик были отпущены и паслись жадно. Горда вытащил из переметной сумы хлеб, холодную баранину, домашний сыр, маленький бурдюк с айраном — любимым напитком чегемских пастухов. Мы с Гордой стали есть с большим аппетитом, который всегда возбуждает дорога и горный воздух. Мы сели на бурку, а над нами стали медленно проходить белые облака, которых не было с утра и которые появились теперь к полудню. Они шли неспешно и уходили за снежные горы.

После того как мы наелись и напились прохладительного айрана, Горда сказал:

— Давай, племянник, ляжем на бурку, передохнем, пока наедятся мул с осликом, и вздремнем.

— Хорошо, дядя.

— Э-э, что может быть лучше, чем лежать на траве в горах и смотреть на высокое спокойное небо, по которому так мудро проходят белые облака! Ты знаешь это, Ако?

— Знаю,— ответил я машинально, хотя об этом еще не думал ни разу. Кроме того, мне хотелось сделать приятное дяде-сказочнику.

— Эх, мальчик мой, ты еще не знаешь, как сладостно засыпать на траве, глядя на эти облака над белыми снегами!

— Знаю! — не согласился я, меня задело то, что дядя считал меня таким маленьким, ничего не знающим и не понимающим.— Я уже не маленький и не раз бывал с тобой на летних пастбищах. Ты забыл, что ли?

— Нет, не забыл, милый мальчик. Но самое хорошее, испытанное и виденное в детстве и юности, мы начинаем по-настоящему понимать и ценить гораздо позже...

— Я тоже люблю засыпать на траве, глядя на облака...

— А знаешь, что еще приятно и сладостно?

— Что?

— Вот на пастбище идет дождь. Ты лежишь на траве, укрытый буркой, которая никогда не пропускает дождя, лежишь, слушаешь, как дождь барабанит по бурке, и ты постепенно начинаешь засыпать и слышишь эту дробь в полусне. Эх, как хорошо это, Ако!..

— Я тоже так спал с тобой. Помнишь?

— Помню, милый, помню...

— И в этот раз так будем спать, правда, дядя Горда?

— Да, милый мой, да.

— Вот хорошо, вот хорошо!

— А ты знаешь, о чем я сейчас думаю?

— О чем, дядя?

— Мне кажется, что эти облака вышли из моих сказок, уже рассказанных тебе... Не находишь, а?

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Кажется, нет, дядя...

— А я знаю, так и есть.

— А теперь, дядя Горда, можно продолжить сказку?

— Нет.

— Почему?

— Потому что нам надо сейчас поспать. А сказка и сон — разные вещи.

— Я бы вместо сна послушал бы продолжение сказки.

— Нет, сказку очень хорошо рассказывать в дороге. Езда и рассказывание сродни очень. Подходят другу другу. Дорога и рассказ, дорога и сказка тоже. Давай поспим.

— Ладно! — сказал я недовольно, но очень быстро уснул.

Когда мы проснулись, день уже клонился к вечеру. Облаков стало на небе гораздо больше прежнего. Снежные вершины все так же белели, выражая своим спокойствием силу вечности, леса зеленели, горный мир был прекрасен, как и утром. Мул и ослик теперь паслись уже почти равнодушно — были сыты. Остатки еды Горда аккуратн

собрал, спрятал обратно в переметную суму, бурку сложил также аккуратно, приторочил к седлу, суму накинул на своего мула. И мы поехали дальше. Тропа была широкая, я ехал с левой стороны рядом с дядей.

— А теперь, дядя Горда, можно продолжить сказку? — спросил я умоляюще.

— Теперь можно. Вот хорошо!

— На чем прервали, помнишь?

— Помню. Ты, дядя Горда, прервал сказку на том, что Куртха сказала, что если младший сын хана сумеет прискакать домой, выполнив все то, что она ему сказала, то золотой табун отца на второй же день будет возвращен...

— Ага. Ну пойдём дальше.

...Младший сын хана сумел сделать все так, как ему советовала мудрая женщина Куртха. Он прискакал домой с красавицей женой. На второй день был возвращен хану его табун. Жены старших ханских сыновей увидели новую младшую невестку, ее красоту, возмутились, прибежали к мужьям, выразили им свое возмущение.

Два старших сына пошли к хану и сказали:

— Ты обманул нас, говорил, что женишь младшего на змее, а женил на красавице. Мы убьем тебя!

Вот так и сказали своему отцу старшие сыновья, считавшиеся умными. Хан испугался злобных сыновей.

— Я пошлю младшего в Кайтмаз, туда, откуда не возвращаются! — сказал испуганный хан.

— Пошли, не то ты будешь убит нами! — предупредили снова сыновья.

— Пошлю, пошлю, не беспокойтесь!

На другой день утром младший выходит из своего шатра веселый и бодрый, подходит к отцу. А тот снова сидит печальный, опершись подбородком на посох.

— Здравствуй, отец!

— Здравствуй, сын!

— Почему печальный снова? Что приключилось?

— Как не быть мне печальным?

— Я же вызволил твой золотой табун. А что теперь?

— Спасибо, сынок, что ты вернул мне мой табун. Без него я не мог бы жить на свете, настал бы мой последний день.

— А что теперь, говори?!

— Беда, мой сын, беда!

— Что? Что случилось?

— Если ты снова не выручишь меня, я пропал!

— Ну, говори, отец, какая угрожает тебе беда?

— И не говори!

— Ну скажи же! Я спасу тебя или умру, мой родитель!

— Спасибо, сын мой. Большой котел моей матери забрали чудища — эмегены. Если он не будет доставлен ко мне, настанет мой последний день. Без него мне не будет житья. Так решила судьба.

— Не бойся, отец, пока я жив, ты не тужи. Я выручу тебя, — сказал весело младший и снова пошел к Куртхе. Он рассказал ей о своем разговоре с отцом.

— И ты решился ехать к эмегенам?

— Да. Что бы ни случилось, поеду. Я не могу не выручить отца. Если не привезу к нему

котел его матери, он умрет. Я должен ехать.

— Ну что ж, внимательно слушай то, что я скажу тебе. Пусть будут неладны те, которые хотят тебя послать к племени эмегенов, они стараются погубить тебя. Но ты снова садись на черного ханского коня о трех ногах. Скачи, скачи, скачи. Придется скакать день, придется скакать ночь, еще день, еще ночь придется скакать. И вот перед закатом на большой поляне среди огромных скал ты увидишь эмегенов, состояющихся в метании гигантского камня-глыбы. Подъехав к ним, остановись поодаль. Молча жди, не слезая с коня. Чудища, увидев тебя, скажут:

— Человеческий сын к нам приехал! Человеческий сын приехал!

Они бросятся к тебе, чтобы взяться за стремя. Не разрешай, скажи, что не надо трогать стремени, сам смело спрыгни с коня.

— Человеческий сын, пойдем в наше жилье! — скажут тебе эмегены.

— Пойдем! — отвечай им смело, иди за ними, не проявив страха.

Они приведут тебя к пещере, вход в которую будет прикрыт куском скалы. Эмегены легко отодвинут эту скалу, зайдут в свое жилище. Смело заходи с ними. Увидишь, что в громадных котлах варится мясо.

— Мясо сварилось, — скажут чудища, — пусть раздает нам его человеческий сын. Он мастер делить мясо.

— Конечно, мастер! — ответив, сразу же, без колебаний, начинай делить мясо: старшим давай то, что им полагается, младшим также то, что им положено, и, как кончишь делить, опрокинь котел с бульоном. Эмегены очень любят бульон, после мяса не могут обойтись без него. Такой у них обычай. Все они припадут к ямам, наполненным любимой ими жидкостью, в это время ты выбеги из пещеры, схватив бабушкин котел, садись на черного ханского коня о трех ногах и скачи домой. Если тебе повезет и ты сумеешь сделать все это, как я сказала, то прискачешь домой с котлом бабушки, нет — так эмегены сварят тебя в том же котле и съедят, как они съедали многих из людей.

Выбирай!

— Поеду! — сказал младший. И поехал. Старшие сыновья хана в тот же день снова явились к отцу и спросили:

— Отец, ты говорил, что отправишь глупого младшего сына в Кайтмаз, откуда не возвращаются.

— Отправил. Будьте спокойны! — ответил хан.

А младший, которого братья называли дураком, скакал в это время на черном ханском коне о трех ногах. Ветер обжигал лицо, он продолжал скакать, ливень хлестал, он продолжал скакать, град сыпал с неба, он продолжал скакать, сумрак настигал — он скакал, ночь настигала — он скакал, заря поднималась — он скакал. Скакал, скакал, скакал и прискакал к племени страшных чудищ — эмегенов. Все было как предвидела Куртха. Младший сделал все, как ему советовала она. И вот он, счастливый великой удачей, скакал обратно домой с бабушкиным котлом, скакал, скакал ночью, скакал на заре, скакал в зной, скакал в дождь и под градом, скакал, скакал, скакал и, невредимым прискакав домой, вручил хану котел его матери.

— Я выполнил твое желание, отец! — сказал младший радостно. Он ликовал, счастливый тем, что спас отца, преодолев такие трудности. — Ты рад?

— Да, да, — ответил хан хмуро, сквозь зубы, как будто сын не выручил его из беды, не спас, а сделал страшный вред.

Но младший не обратил внимания и на это. Он сделал свое дело, совершил свой трудный

подвиг. Счастливый сделанным, он весело пошел к себе в шатер к юной красавице жене, легко и красиво рассказал ей о том, где был и что сделал для родителя. Она благодарила судьбу за то, что он вернулся живым, невредимым, совершив такой большой подвиг, хвалила его, ласково обнимая.

Старшие невестки хана первыми увидели благополучно возвратившегося младшего. Они побежали к мужьям и сказали, что отец обманул их снова. Два старших сына пошли к хану, сказали:

— Ты опять обманул нас, не послал сына-дурака, своего любимчика, в Кайтмаз, откуда не возвращаются. Мы убьем тебя!

— Посылал я его в Кайтмаз, но он сумел вернуться живым. Я не обманывал вас, я не виноват,— оправдывался хан.— Теперь я пошлю его на такое дело, что он действительно не сможет вернуться живым. Пощадите меня, вы же мои сыновья, моя плоть и кровь!

— Смотри, отец, мы поверим тебе в последний раз. Больше не будет пощады. Если ты обманешь нас еще раз, мы уничтожим тебя и твоего любимчика-дурака.

— Я отправлю его в Кайтмаз, отправлю!

На следующий день утром младший, все так же бодро выйдя из шатра, увидел, что хан снова сидит печальный.

— Что с тобой, отец? — опросил младший.— Почему ты опять в горе?

— Кому быть в горе, если не мне?

— Что приключилось?

— Беда, сын мой, беда!

— Какая беда тебе угрожает?

— Если ты не спасешь меня, я пропал, сынок.

— Я готов умереть за тебя, мой родитель! Скажи, что случилось?

— Золотой посох моего отца остался у хана племени Батырла. Если этот посох не будет доставлен мне, я умру. Такова воля судьбы.

— Пока я жив, ты ничего не бойся, отец, я выручу тебя, золотой посох твоего отца получишь обратно.

Сказав это, младший быстро исчез. Он опять пошел к Куртхе и сказал о новом желании своего отца.

— Не боишься, что погибнешь? — опросила Куртха снова.

— В любом случае я должен выручить отца,— ответил младший.

— Пусть будут неладны те, кто посылает тебя туда. Они хотят твоей гибели. Но что поделаешь, если ты хочешь спасти отца, послушай меня, как всегда, внимательно, точно выполняй сказанное мной.

— Нисколько не отступлю от твоих советов.

— Садись на черного ханского коня о трех ногах. И скачи. Будешь скакать пять дней и пять ночей. Скачи, не обращая внимания ни на дождь, ни на ветер, ни на темноту.

Скачи, скачи, скачи. И однажды черный конь твой остановится на зеленой горке над огромной долиной, покрытой высокой травой. Конь твой дальше не захочет скакать. Ты посмотришь на долину у подножия горки, где будешь стоять, увидишь высокие надгробные камни. Тогда ты крикни: «О-хо-хо!» — конь твой окаменеет по брюхо.

Крикнешь второй раз: «О-хо-хо!» — конь окаменеет целиком. Крикнешь третий раз —

сам окаменеешь по пояс. Крикнешь четвертый раз: «О-хо-хо!» — целиком станешь

каменным. Ты сам и конь твой станете таким же надгробием, как и те, что в долине.

Если через некоторое время услышишь голос своей матери и она скажет: «Что с тобой

сделали, мальчик мой?!», — тебе повезет, ты будешь спасен, а если не услышишь голоса матери, то тебе не будет спасения и навсегда останешься одним из надгробий огромной долины. Я сказала тебе правду. Выбирай, ханский сын.

— Поеду!

— Не бойшься, что станешь камнем навсегда?

— Я должен спасти отца, что бы там ни было, хоть гибелью своей.

— Как знаешь, ханский сын. Я предупредила тебя о большой опасности.

— Поеду!

Сказав это, младший исчез. Он сел на ханского черного коня о трех ногах, скакал, скакал, скакал; проскакав пять дней и пять ночей, младший сын хана оказался на зеленой горке над огромной долиной. Конь о трех ногах дальше не хотел скакать. Всадник понял, что он у цели. Бросив взгляд вниз на долину, покрытую высокой травой, он увидел каменные надгробья. Тогда он крикнул: «О-хо-хо!», — конь его окаменел по брюхо, крикнул второй раз — конь стал каменным, крикнул третий раз — сам по пояс окаменел, крикнул четвертый раз: «О-хо-хо!» — он сам и конь его стали каменными. Много ли, мало ли прошло времени, неизвестно, но сын хана услышал чудный голос. Он узнал его сразу — это был голос его давно умершей матери. Она сказала ему: «Что с тобой сделали, мой бедный сын, мой мальчик?!» Ничего не успел сказать сын, как начал камень таять, и сын хана открылся до пояса, потом открылся весь, затем конь его открылся до брюха, а вскоре они снова стали живым конем и живым всадником. Младший сын хана снова увидел небо над головой, облака, долину, покрытую высокой травой. Снова он был живым человеком на зеленой земле. Он смотрел на землю и на небо и был счастлив тем, что жив. К нему подошел высокий сухопарый старик с белой бородой и в белой длинной одежде. Он сказал:

— Я рад, что ты остался живым, ханский сын. Я расскажу людям сказку о тебе, о твоём бесстрашии. Таких бесстрашных людей мало на свете. Поэтому ты имеешь право быть героем сказки. Ты заслужил это своей отвагой. Люди, которые будут жить и после тебя, должны знать о тебе, ибо мужество, подвиг, честность, самоотверженность, бескорыстие, готовность помочь другим, выручить из беды ближних нужны будут людям всегда, как жилье и пища. А потому твой подвиг и твой пример не должны умереть вместе с тобой, они будут всегда служить живущим... Я расскажу о тебе сказку...

— Кто ты, почтенный человек? — спросил удивленный сын хана.

— Я мудрец и сказочник племени Батырла, живущего по законам справедливости.

— По законам справедливости?

— Да. Поэтому вождь нашего свободного племени и возвращает твоему родителю золотой посох его отца. Наш вождь Таукеле поручил мне вручить тебе этот бесценный посох.

— И я получу сейчас золотой посох деда?

— Да. Вот он!

Восхитительный посох сверкал в правой руке мудреца и сказочника.

— Золотой посох моего деда — хана Улана! Вот какой он! — воскликнул младший. — Как же он попал к племени Батырла?

— В те времена, когда властвовал твой дед Улан-хан, ваше племя тоже жило по законам несправедливым. Наш правитель Терскол-хан был таким же жестоким и несправедливым, как и твой дед. Они без конца воевали между собой, неся гибель и разорение племенам. Незадолго до своей смерти наш хан в очередной драке победил

вашего хана, ограбил его, разорив ваше племя. Так достался ему и золотой посох твоего деда. После смерти Терскол-хана наше племя восстало против несправедливой власти, уничтожило жестокий гнет ханов и несправедливость. Это случилось в моем детстве. С тех пор мы живем по законам справедливости и свободы.

— Вот как! — удивился младший.

— А твой отец продолжает жестокое, несправедливое дело своего отца. Ваше племя несчастливое.

— Да....

— Когда ты, такой доблестный герой, станешь ханом вместо отца, твое племя тоже, наверное, станет жить по законам справедливости.

— Я не хочу лишиться отца власти. Нет, нет! Пусть живет мой отец и правит нашим племенем.

— Его лишит власти сама Жизнь...

— Нет, нет!

— Это от нас с тобой не зависит, сын хана...

— Пусть живет мой отец. Я спасаю его все время, чтобы он жил.

— Но все равно ты станешь ханом. Это воля самой Жизни. И твой народ станет жить по законам справедливости. Ты доблестен. Мужество и доблесть, подвиг и свобода сродни всегда. Они идут по земле вместе. По поручению вождя нашего свободного народа, я, сказочник племени Батырла, вручаю тебе, сын хана, золотой посох твоего деда. Это мы делаем потому, что золотой посох — сокровище твоего племени. Ему мы возвращаем его драгоценность, потому что так будет справедливо.

— Спасибо, мудрый Сказочник! — сказал младший, склонив голову и прижав правую руку к сердцу. Он принял золотой посох.

— А теперь скачи домой. Пока ты доскачешь туда, на твоей родине произойдут большие перемены.

— Какие, скажи, мудрый Сказочник?

— Нет, я этого не стану говорить. Сам увидишь, когда прискачешь домой. То, что там случится, это воля самой Жизни, никто предотвратить это не в силах, как грозу или ливень. Скачи домой, спеши! А я, расскажу людям сказку о тебе, доблестный сын Земли. Прощай, юный хан!

— Прощай, великий Сказочник!

Сказочник в белом одеянии исчез. Младший не понял, почему старик назвал его ханом, и решил, что он перепутал по старческой забывчивости. Младший сын, получив золотой посох деда, пустился в обратный путь. Он скакал пять дней и пять ночей, скакал, скакал, скакал и прискакал домой. Ни отца, ни братьев, ни их жен не застал он дома. Его перед шатром встретила красавица-жена:

— Ты вернулся живым, мой любимый, как хорошо! — сказала она, обнимая мужа.

— Где же отец, братья, их жены?

— Даже не опрашивай, милый, сказать страшно!

— Что случилось?

— Случилось ужасное. Вчера перед вечерними сумерками твой отец и два брата превратились в черных кабанов, а жены братьев — в черных свиней, начали драться между собой и так, все время дерясь, подошли к ближней роще и там в облике свиней окаменели!..

Младший сын хана стоял, не зная, что сказать и что делать. В это время он услышал

голос знакомого Сказочника: «В страшной беде твоего отца, братьев и невесток не виноват никто, кроме их самих. Они были жестоки, коварны, несправедливы, жадны, завистливы. Они и тебя хотели погубить только потому, что являлись такими. Они были трусливы. Отец боялся старших завистливых сыновей и посылал тебя на гибель. Тебя спасла Справедливость, спасла сама Жизнь. Твою родню настигло справедливое наказание. Такой оказалась воля Жизни. Помни, доблестный человек, что выше справедливости нет ничего! Помни! И управляй своим ханством так, чтобы твое племя могло жить по законам справедливости. Прощай, юный хан!»

Сказка говорит, что вот так случилось однажды на земле. Мы этого не видели. Но не верить сказке нельзя. Сказка всегда права и правдива. С ней шутить нельзя, ею надо дорожить, любить и беречь ее надо. Мы рассказали сказку, но того, о чем рассказано в ней, мы, повторяю, не видели с тобой, Ако. Пусть мы также долгие годы не увидим с тобой ни болезней, ни бед! Вот сказке конец, но жизни нет конца, а кто слушал сказку — тот умница и хороший мальчик...

Мы довольно долго ехали молча. Обычно сказка каждый раз действовала на меня завораживающе. Горы все так же белели, как будто тоже выплыли из сказки, рассказанной только что. Мул и ослик продолжали идти все так же упорно, их копытца стучали по сухим камням дороги — тарк-тарк-тарк.

— Что же ты молчишь? — спросил меня Горда.

— Не знаю,— ответил я.

Мы вновь продолжали ехать молча, пока не доехали до быстрой речушки, очень чистой и говорливой.

Горда, придерживая мула, спросил меня:

— Не хочешь, племянник, попробовать воду этой замечательной речушки?

— Хочу, дядя Горда.

— Тогда слезай со своего скакуна. Мы напьемся воды, а скакуны наши пусть еще попасутся.

Мы спешили, отпустили мула с осликом, подошли к речке вплотную.

— Пить надо, наклонившись над водой,— сказал Горда.— Только так. Жители этих гор иначе не пьют из речек. Это из любви и почтения к родным речкам. Понял, Ако?

— Понял.

— Ты тоже так пей всегда. Ладно?

— Ладно.

Мы оба одновременно склонились над водой быстрой речки. Она оставалась ледяной и в жару, протекая в тени деревьев.

— Еще надо умыться водой этой чудесной речки,— сказал Горда.— Напиться из нее, умыться ее водой — так же хорошо, как рассказывать и слушать новую сказку,— становишься свежим, бодрым, радостным.

Умывшись, мы сели на камень в тени большого дерева. Приближался вечер, птицы пели, заливаясь, как будто особенно старались оттого, что знали, что с наступлением темноты придется им замолчать до утра. Их многоголосье было удивительным.

— Как много их, птиц-то, дядя Горда! — сказал я.

— Слава Богу, что их много. Что земля без птиц? Все равно, что без сказок!

— А почему они в этом лесу поют так сильно, а в лесу, где мы поднимались по крутому подъему, было не так?

— А-а, этот лес больше, чем тот. Но даже не в этом дело. Днем в жару птицы поют мало,

а когда приближается темнота, к концу дня они начинают сильно петь, прощаясь с прожитым днем, они благодарят его за то, что встречают вечер живыми-здоровыми. Ночью они будут молчать, отдохнут, поспят. А на заре опять начнут петь-заливаться, будут приветствовать рассвет и утро, новый день, будут благодарить ночь за то, что она берегла их, не послала им бурю и беду, не разорила их гнезда, не свалила их любимые деревья, и они имеют возможность петь новому дню. Вот так я думаю, племянник.

— И птицы могут благодарить?

— Еще бы!

— И человека могут благодарить?

— Конечно.

— И проклинать могут?

— Да, злых людей, которые разоряют их гнезда, губят их птенцов, тех, кто не любит птиц и не понимает их, не слышит и не хочет слышать их пения. А тех, кто любит их, птицы благодарят и поют им на радость. Вот так, племянничек.

— Как интересно!

— Еще бы.

— Как в сказке.

— Да, в жизни, Аю, много похожего на сказку. Только надо уметь смотреть, видеть и понимать. Посмотри на эти высокие белые вершины гор, подпирающие синее небо. Или на этот зеленый лес, полный птичьего пенья, или вот на эту речку, которая бесчисленное количество лет бежит, торопится куда-то — неведомо куда, отражая в себе то солнце, то звезды, то облака. Все это разве не как в сказке? И рассветы, миллионы лет освещающие эти горы, скалы, деревья, вот эту дорогу, лунный свет, падающий на них,— разве это тоже не как в сказке? И все это для тех, кто живет на земле — для людей, зверей и птиц. А куда спешит эта речушка, кто нам скажет, мой мальчик? И зачем? Не нужно. Нам с тобой хорошо видеть, как она бежит, хорошо ощущать ее чистоту, утолить жажду ее ледяной водой, знать, что она всегда будет течь и люди будут пить из нее всегда. Земля и сказки ее похожи, мальчик, им одинаково нет цены.

Не думаю, чтобы я очень хорошо понимал тогда значение того, что говорил Горда, но слушал внимательно и мне это было очень интересно. Пока он рассказывал, над лесистым ущельем появился огромный орел, он парил невозмутимо, потом появился второй, третий, четвертый, их стало много.

— Орлы, орлы! — закричал я.— Ой, сколько их!

— Попробуй посчитай! — сказал Горда.

Я начал считать, но сбился со счета.

— Дядя Горда, почему они над этим местом кружатся? — спросил я.

— Потому что есть хотят.

— Что?

— Кушать орлам хочется. Мы с тобой ели недавно. Вот и орлы тоже бывают голодными, они тоже кушают.

— А почему они кружатся над одним местом? Кто им даст там кушать?

— А ты, племянник, не понимаешь. В этом лесочке, над которым они летают, видно, лежит падаль. Вот они и выслеживают, зря не станут орлы кружиться, нет, они чуют добычу.

— Вот как! — вырвалось у меня. Я тогда впервые узнал, как орлы ищут себе пропитание.

Пока я думал о своем открытии, один из орлов стрелой полетел вниз, бросился к лесу, за ним устремились другие, и все они скрылись из виду.

Перед наступлением сумерек мы подъехали к кошу — стойбищу пастухов, наших родственников. Волкодав Бойнак — огромный пес с белой шеей — встретил нас грозным лаем.

— Бойнак, Бойнак! — сказал ласково Горда, и пес, узнав нас, начал мотать хвостом, глаза его стали мягкими, добрыми, он подошел к нам, стал нюхать нашу одежду.

Из коша вышел второй мой дядя — старший брат отца Тебо.

— А-а, это вы? — обрадовался он.— Хорошо, что приехали, а то у нас и мука, и соль уже вышли. Поздно выехали, что ли? Уже сумерки ведь наступают.

— Да нет,— ответил Горда.— Выехали утром...

— А что же так долго ехали?

— Сказки рассказывали,— ответил я бойко.

— Сказки?

— Да.

— Ну, тогда понятно. На вас это похоже.— Тебо поднял меня высоко и обнял, смеясь. Брату только пожал руку.

— А мы муку привезли, соль привезли! — сказал я.— Еще привезли...

— Что ты еще привез своему дяде, племянник? — Тебо смеялся и теребил меня радостно. Я понял, что он рад моему приезду. Это мне нравилось.

— Мы привезли еще рубашки...

— Вот молодцы! — похвалил нас старший дядя.

— Мы много-много орлов видели! — сообщил я как большую новость.

— Ну? Неужели? — Дядя сделал вид, что он очень удивлен.— Неужели видели много орлов?

— Да, видели, много, очень много! — Что же они делали?

— Кушать хотели.

— Кушать?

— Да.

— Ну, поели?

— Не знаю. Они летали, кружились над лесом, а потом как один из них быстро бросился вниз, другие тоже за ним быстро скрылись, исчезли все в лесу. Наверно, кушать сели.

— Наверно,— согласился Тебо.

— А ты видел, дядя Тебо, как кушают орлы?

— Нет, Ако, нет, откуда! — ответил Тебо, чтобы я радовался и гордился тем, что в тот день видел то, чего не видел даже мой старший дядя.

— А я вот видел! — гордо сказал я.

— Молодец, Ако. Ты у нас герой! — похвалил меня Тебо.— Пасти овец приехал?

— Да. Мы вместе с дядей Гордой будем пасти отару. Он мне сказки будет рассказывать.

— Нет, Горда не может.

— А почему?

— Потому что он будет с нами сено косить. Надо к зиме сено скоту готовить. Ты же знаешь, что такое зима?

— Знаю, она приходит со снегом, белая, белая.

— Да, белая, белая, холодная, холодная. Ее надо встречать с хлебом, сеном, дровами. Понял?

— Понял.

— Что же мы стоим! Пошли в кош,— спохватился Тебо. — Видишь, Ако, я обрадовался тебе, разговорился с тобой. А ты рад, что приехал к нам?

— Очень рад! — ответил я.

— Вы, наверно, голодные?

— Нет,— ответил Горда.— У нас был азык*, мы ели в дороге. У нас еще осталась еда.

— Дома все здоровы?

— Да, все.

— Это хорошо.

Сумерки ложились на белизну вершин, на зелень деревьев, на траву склона. Речка, протекавшая мимо коша, стала шуметь громче. Стада возвращались к ночным стоянкам. Там и сям раздавались голоса пастухов. Тебо накормил меня вареной бараниной и прохладным айраном. Довольный тем, что приехал на пастбище с Гордой и мне доверяют отару овец, как будто я уже взрослый, я лег на кошму, наброшенную на сухую траву, укрылся буркой и уснул, утомленный дорогой и множеством впечатлений.

* Куртха — ведунья — в переводе с балкарского.

* Хурджун — дорожная сумка.